

ПЕТЕРБУРГ ТЕАТРАЛЬНЫЙ И ПЕТЕРБУРГ ЗРЕЛИЩНЫЙ
В ПОВЕСТИ ИВАНА МИХАЙЛОВИЧА ДОЛГОРУКОВА

Уго Перси

Их вальс приводит в восхищенье.
Мазурка - рай для них земной.

Цветы поблекли, птички скрылись;
Фелица! - И тебя уж нет! ¹

Настойчивые повторения “Авось...” в десятой главе *Евгения Онегина* по всей вероятности были навеяны Пушкину популярной тогда сатирой Ивана Михайловича Долгорукова (1764-1823) так и озаглавленной — *Авось*. Но, если не считать этого скромного литературного наследства, оставленного своему великому современнику, творчество Долгорукова следует отнести к разряду поэзии второстепенной, проникнутой главным образом личными мотивами и связанной с кругом домашних привязанностей и домашней обстановки; его *Камин в Пензе* как нельзя лучше доказывает, что при оценке поэтических произведений автора “необходимо следует отделять, что принадлежит таланту и что его времени” (Дмитриев 1863: 169). Впрочем, и сам Долгоруков признавал предел своих возможностей и со стороны относился к своей поэзии с той долей отстраненной насмешки и иронии, которая так часто проступает в его записках; эпиграфом к своему сочинению *Бытие моего сердца* (издание его произведений, вышедшее в 1817-1818 гг.) он избрал строки: “Угоден — пусть меня читают: / Противен — пусть в огонь бросают! / Трубы похвальной не ищу”, отражающие не только похвальную прямоту ума, но и сознание собственной художественной ограниченности. Тяготеющий более к Державину нежели к Пушкину,

¹ Эпиграф взят из стихотворений Долгорукова *В последнем вкусе человек и Прогулки на Трёх горах*.

отгораживающийся от сентиментализма собственной эпохи — несмотря на любопытные заглавия, данные им некоторым своим произведениям, как, например, *Бытие моего сердца*, *Капище моего сердца* — Долгоруков тем не менее сумел придать своей поэзии самобытный личный характер, который определяется Ю. Лотманом через формулу “быт и язык”. Пользование народными оборотами русского и французского языков еще ярче подчеркивают особенности творчества поэта: “Только Крылов таким путем проникал в психологию народа, а Долгоруков воспроизводил склад ума и чувств русского барина” (Лотман 1961: 50).

Князь Иван Михайлович Долгоруков, принадлежавший к древнейшему русскому дворянству, в силу политических и денежных неурядиц деда по отцовской линии Ивана Алексеевича² унаследовал шаткое имущественное положение, которое резко отличалось от роскоши остальных ветвей его рода и рода Строгановых, из которого происходила его мать. Именно поэтому Долгоруков вынужден был поступить на государственную службу, хотя следует отметить, что должности он занимал немалые: сначала был вице-губернатором в Пензе, а затем губернатором во Владимире. Подобное положение не позволяло ему жить в довольстве и, по его собственному признанию, ему пришлось отказаться от продолжительных поездок в Европу и удовольствоваться знакомством с не менее обширными областями Российской Империи.³ Эти обстоятельства, соединившись с его врожденным интересом к быту, способствовали появлению на свет нескольких путевых дневников: *Славны бубны за горами, или Путешествие мое кое-куда 1810 года*, *Журнал путешествия из Москвы в Нижний 1813 г.*, *Путешествие в Киев в 1817 г.* Несостоявшийся вояж Долгорукого в Европу, возможно, избавил нас от очередных благосклонных (или неблагосклонных) суждений об Италии и прочих неременных этапах путешествия за границу, но взамен мы получили

² Сначала он стал свидетелем расстройства брака своей сестры с Петром II, а впоследствии был сослан Анной Иоанновной в Нижегородскую губернию, где и был жестоко казнен. См. подробности его истории (Лотман 1994: 291-300).

³ “Уехал бы в Париж, потому что люблю шум, гам, театр, роскошь, и прочее, и прочее; а где всего этого более, как не во Франции? Но у кого нет ни вотчин, ни денег, тот живет, как Бог велит. Мне вздумалось проехать: все дома, да дома, наскучит и мудрецу. [...] Я решился, и поехал с женою и с четырьмя домашними товарищами в Одессу” (Долгоруков 1870: 1).

бесценные, редчайшие наблюдения жизни русской провинции начала девятнадцатого века. В этих записках Долгоруков, на наш взгляд, проявляет более замечательный и оригинальный талант нежели в своих поэтических сочинениях.

Памятные записки Долгорукова начинаются с *Повести о рождении моем, происхождении и всей жизни...*, относящейся к периоду с 1788 по 1818 год. Этот необычайно интересный текст представляет собой богатейший клад сведений о культурной и светской жизни, а также о повседневном быте главным образом Москвы и провинции. Но поступление Долгорукова в Семеновский полк заставило его вскоре переехать в Петербург, и именно в столице юноша избавляется от своей провинциальности, входит в большой свет и проводит самые беззаботные и светлые годы своей не всегда безмятежной жизни. Этими главами своей *Повести* Долгоруков, по нашему мнению, вписывает еще не оцененную по достоинству страницу в “петербургский текст”. *Повесть*, разумеется, доподлинно отражает обстоятельства личной жизни автора, но вместе с тем она дает нам возможность познакомиться с жизнью Петербурга в особенно интересном — театральном — разрезе. Особенность данного сочинения состоит в том, что Долгоруков предоставляет нам как бы двойной угол зрения: с одной стороны он показывает театральную жизнь города, которая разворачивается главным образом во дворцах знати, и с другой стороны — театральность самой столицы, города-сцены под открытым небом, где Петербург одновременно выступает и местом действия и действующим лицом. Впрочем, ценность свидетельства Долгорукова не ограничивается лишь этим, автор наблюдает сам и позволяет наблюдать и нам этот мир с “посторонней”, то-есть не петербургской, а московской точки зрения. При чтении записок становится очевидным, что и в пору наибольшего погружения в жизнь столичного общества Долгоруков сохранил свое положение “не петербуржца”, что и дает нам в руки необычайно полезный ключ к изучению этого документа эпохи и позволяет воскресить некую таинственно-мифическую сущность Петербурга, для понимания которой по словам Лотмана требуется иностранный или московский наблюдатель (Лотман 1992 в: II, 14).⁴

⁴ Постоянные ссылки на исследования Лотмана *Символика Петербурга, Поэтика бытового поведения, Театр и театральность*, объясняются удивительным совпадением или близостью взглядов их автора с наблюдениями Долгорукова. Это обстоятельство заставляет нас предположить, что Лотман

По завершении чтения *Повести* складывается отчетливое ощущение, что пребывание в северной столице стало для Долгорукова строго очерченными “скобками”, своеобразным вкраплением в жизнь. Разумеется, это была радостная и светлая пора благодаря главным образом театральным развлечениям, но, когда они кончились, никакая причина уже не могла удержать его в этом городе: “Очаровательный Петербург начинал казаться мне скучным и единообразным. Глаза мои до сыта насмотрелись на суетный блеск его; исполнив долг мой в походе, что оставалось мне делать в городе?” (184).⁵ Перелистывая назад всю “петербургскую главу” сочинения, мы находим начало этой “жизни в скобках”: “Петербург очаровал мою голову, но не пленил моего сердца. На другой день моего приезда я на все смотрел с изумлением, но все жалел о Москве” (28). Совершенно ясно, что на всем протяжении этих “жизненных скобок” автор так и не сумел полностью вжиться в петербургскую среду — он “сознавал”, что пребывает в особом месте и в особых условиях: “Турецкая война, прекративши как выше я сказал забавы меньшаго двора, лишила нас случаев видеть Их Высочества столь же часто как прежде. [...] Комедии, для которых мы так нужны были, прекратились, [...] Видя что мы напрасно стали бы только проживаться в Петербурге, вознамерился я отправиться на некоторое время в Москву” (137). Несмотря на роскошь Петербурга, на блестящую жизнь, которой он уже начал наслаждаться в самом избранном обществе, Долгоруков вынужден признать, что ему так и не удалось “сблизиться” с петербургскими жителями и поэтому “Петербург для меня был еще иностранный город, а Москва родина! Какое важное преимущество!” (41).

Из вышеприведенных цитат всякому становятся очевидны два главных факта: первый заключается в том, что, как мы уже говорили, взгляд Долгорукова на Петербург — внешний, не автоматизированный, а, так сказать, “отстраненный”; благодаря этому возникает подлинный эффект города-косморамы (конечно же, учитывая молодые лета автора и притягательность пышного блеска столицы, легко по-

был хорошо знаком с *Повестью*, хотя мы и не располагаем данными, подтверждающими подобное предположение.

⁵ Цитаты взяты из: Долгоруков 1916, в скобках указана страница. Курсивы — наши. Цифрами в квадратных скобках указывается страница оригинального издания, отрывки которой приводятся в *Приложении*; в круглых скобках указываются страницы, не воспроизводящиеся в *Приложении*.

нять его склонность к окружению увиденного мифическим ореолом); второй же факт состоит в “зримости”: Петербург, его люди, его жизнь в этих записках являются более объектом “созерцания”, а не “переживания” (в столице у Долгорукова не было такой “сердечной жизни”, как в Москве), что свидетельствует о чисто рациональном восприятии этой действительности.

Несмотря на все сказанное не следует думать, что Долгоруков всего лишь зритель, всего лишь холодный сторонний наблюдатель: посторонней является его точка зрения, а не он сам. Напротив, он переносит нас на две сцены — на театральные подмостки петербургских дворцов, где протекала собственно театральная жизнь, и на улицы самого Петербурга, задуманного и выстроенного как театральная сцена и архитектурный облик которого “создает ощущение декорации” (Лотман 1992в: II, 16). Разворачивающиеся и там и здесь зрелища одинаково захватывающи.

Приглядимся к первому из них.

Юный Иван Долгоруков полюбил театр еще мальчиком у себя дома, в Москве. То были незатейливые представления, граничившие с ребячеством, но отношение к ним было весьма серьезным, особенно после приезда из Петербурга двух двоюродных сестер, воспитанниц Смольного. Помимо удовольствия от этих “игр” Долгоруков отмечает их пользу: они позволяли ему показать себя перед обществом [24]. Это обстоятельство было, очевидно, очень важным для молодого человека, находившегося несмотря на свое высокородство в стесненном материальном положении. Впоследствии об этом будет упоминаться неоднократно, особенно на первых порах вхождения в петербургское общество, вхождения, которое происходило постепенно и отнюдь не благодаря театральным способностям Долгорукова. Молодой кадет по своему положению был обязан присутствовать на различных церемониях, официальных празднествах, дворцовых балах. Ни одно из этих событий не было просто развлечением, особенно если происходило оно в присутствии императрицы, и Долгоруков весьма быстро усвоил этот урок [30]: церемонии, ритуалы, ослепительная пышность преследовали в основном политические цели, а почтительное отношение вельмож зачастую было лишь притворством, угодничеством, условностью этикета. Всеобщее увлечение театром в эту эпоху Лотман объясняет бегством от условных рамок действительности в мир неподдельных чувств, пусть даже и выражаемых через придуманное театральное действо. Взгляд автора со стороны на изображаемую действительность вос-

принимается и как ироническая отстраненность — таков заключительный вывод, вытекающий из описания строгого и напыщенного церемониала учреждения Ордена Св. Владимира; “Ничего не упущено для придачи сему церемониалу всей важности возможной, а я только что восхищался как дитя всеми этими пышными игрушками двора” [38].

Мир, в котором очутился Долгоруков, был театром, где всякий играл свою роль не ради удовольствия, а ради выгоды. Двор, по словам автора, был “самое широкое стекло” для наблюдения за тщеславием людей [72]; здесь вновь проявляется склонность Долгорукова к созерцанию жизни города и к исполнению двойственной роли зрителя и действующего лица одновременно в огромном Петербурге-театре. На этой необъятной сцене человек высвечивается со всех возможных сторон, “виден во всех его отношениях”, будь он сам кукла или кукольник, или то и другое поочередно — это уж как решит двор, то-есть круг лиц не слишком определенный, но несомненно олицетворяемый монархом и его семейством: “что любо двору, то бывает любо и всем” [77]. Не только придворные, но и весь город подражал вкусу царской семьи, молва разносила настроения двора и целый Петербург давал спектакль: “Столичные жители всегда обезьянют Царския чертоги” [77]. То же было и с театром: чтобы показать себя, нужно было ходить в театр, ценить театр и, по возможности, делать спектакли, и молодой Долгоруков не заставил себя уговаривать.

“Их Высочества любили театр. Он, как я сказал уже выше, был забава по моде” [78]. Иван Долгоруков был уже известен в свете как талантливый актер-любитель; приятель и сослуживец сыновей генеральши Бороздиной, он довольно быстро завоевал ее расположение и его предложение скрасить и без того беззаботные часы на ее Царскосельской даче представлением *Севильского цирюльника* было принято обрадованной дамой со всей благосклонностью [69]. Следующим шагом стало приглашение в дом к княгине Гольштейн-Бек: “Прием к ней был атестатом для молодого человека” [76]. Хозяйка дома, очень богатая, разведенная со своим мужем князем Барятинским, могла позволить себе не просто “игрища”, а настоящий театр, которым заведовал знаменитый французский актер Жан Офрен (Риваль). Долгоруков играл в этом частном театре в комедии *Une soirée à la mode* и воспользовался дружбой с Офреном, чтобы брать у него уроки сценической игры. Слава молодого актера продолжала расти. “Везде театр шел удачно, всюду мне рукоплескали, и я был не-

обходим во всех домах где ставили кулисы” (88). Вскоре его пригласил к себе граф Чернышев для спектакля, который великая княгиня собиралась организовать в честь своего супруга Павла — речь шла о пятиактной “comédie larmoyante” в стихах Ш. Ж. Фенуйо де Фальбера *L'honnête criminel* (1767; *Честной преступник, или детская к родителям любовь* в русском переводе И. А. Дмитриевского); посредницей выступила Анна Юлиана Бенкендорф, близкая приятельница великой княгини.

“Там начался для меня новой и волшебной род жизни” [78]. Долгоруков уже тогда не был чужим во дворцах великих князей в Павловске и Гатчине — благодаря своим связям он уже успел попасть в число приглашаемых на балы, но этого еще было мало. Теперь же появлялась новая блестящая возможность вступить в круг друзей семьи; теперь уже речь шла не о том, чтобы при случае оказаться кавалером Марии Федоровны в туре танца, а о том, чтобы приятно побеседовать с наследником и его супругой и даже пожить несколько дней во дворце. Было чем похвастаться перед друзьями и товарищами по военной службе, ведь и они были частью большого петербургского театра или, как пишет автор, “петербургской публики” (81). Но не всякая публика допускалась на эти спектакли, на них получали доступ только лица, отбираемые по чину, по дружеской близости с хозяевами, дипломатические представители и вельможи. Сами театральные постановки отличались особенной пышностью и роскошью: костюмы украшались драгоценностями великих князей, которые любезно предоставлялись для спектакля, а затем забирались назад и скрупулезно пересчитывались, как это было с пьесой *Le fils rival* Ла Феррьерера (которую автор называет также *Don Carlos*) [129].⁶

Театрализация жизни, в том числе и частной, была распространена повсеместно, хотя и в разных формах. Лотман приводит документы, свидетельствующие о том, что и слуги наблюдали за жизнью господ как за непрерывным праздником, как за прочно и привычно вошедшим в жизнь представлением: “Бытовая жизнь приобретала черты театра. Для русского XVIII в. исключительно характерно то,

⁶ Случались и любопытные происшествия, как например с тем же Долгоруковым, когда в середине исполнения сентиментального романса у него на плече лопнул эполет и все нашитые на него жемчужины, принадлежавшие Марии Федоровне, покатались по полу, а великая княгиня вскочила на ноги с восклицанием “Ах!” (130).

что дворянский мир ведет жизнь-игру, ощущая себя все время на сцене, народ склонен смотреть на господ как на ряженных, глядя на их жизнь из партера” (Лотман 1992: I, 250). Долгорукову тоже не удастся уйти целиком от этой схемы поведения, хотя он всегда горячо проповедует подлинность чувств, достоинства бескорыстной дружбы, искренность личных отношений. Но ведь сам Долгоруков в достаточной степени сын своего времени, и его характер, его общительность подталкивают его к сближению с обществом, к деятельности в рамках этого общества, к принятию игры общества и к участию в ней.⁷

А вот и второе зрелище — Петербург, театр, в котором вся столица играет самое себя. Она примет в свое лоно пылкого юношу, жаждущего приключений, развлечений и охваченного “театральной болезнью”. Вскоре после поступления на военную службу и перевода в Петербург юный Долгоруков заметил, что столица Российской Империи — город совсем не такой, как остальные: каждое празднество было событием, каждое официальное событие носило черты яркого театрального зрелища. Например, день Святого Петра был особенно торжественным — праздновались именины основателя города; в Петергофе давался бал-маскарад и из столицы сюда приезжало огромное число людей, добравшихся до места кто на чем мог: “Какое очаровательное представилось глазам моим зрелище” [35]. Но это было ничто по сравнению с открытием памятника Петру Великому на Сенатской площади; этим жестом Екатерина хотела не только выразить благодарность свою и всего народа за славные дела, начатые ее предшественником, но и подчеркнуть, что благодаря ей самой эти дела получили продолжение и увенчались успехом. Следовательно это был праздник *самой Екатерины*, устроенный *во имя Петра Великого*. При снятии щитов, скрывавших статую, разразилось громовое тысячегласное “ура!”, прокатившееся по всему городу, выстроенные войска и корабли на рейде салютовали выстрелами..., реяли на ветру флаги и штандарты — но всё это по строго утвержденному порядку, ведь это был не праздник, а государственная

⁷ “Признаться должен, что существенная картина природы без убранств меня не очаровала. Я увидел тогда и почувствовал на опыте, что мне нравятся сады возделанные, а не дикие земли брошенные Творцем на поверхность мира без сторонних прикрас искусства человеческого [...] я любил природу, но в убранстве роскошном. [...] Дайте мне город, роскошь, толпу. Увы! Суэта мирская есть моя стихия!” (137-138).

церемония. На площади памятник в окружении полков, на балконе императрица в окружении придворных вельмож, перед балконом парадом проходят войска на протяжении трех часов — начавшись в полдень, церемония закончилась только к вечеру: “Не знаю может ли быть что величественнее сей картины” [37].

“Зрелище”, “театр”, “картина” — к этим словам Долгоруков прибегает чаще всего при описании петербургских событий, в том числе и тех, что не связаны напрямую с театром. В самом деле вся структура выступлений была театрализована: всегда присутствовал зритель (монарх или народ) и хотя зритель не всегда был доступен (монарх), действие (парад, учения или церемония) совершалось так, как если бы контакт с ним был непосредственный: “Великой князь изволил с своего балкону смотреть по обыкновению на полки, кои мимо дворца проходя повзводно салютовали его Высочеству” (74). Долгоруков все время проявляет себя как наблюдатель зоркий и нестандартный: новый случай представился ему при праздновании Крещения Христова, во время которого он был участником и зрителем военного парада, прошедшего от Дворца до Адмиралтейского канала (ныне упрятанного под землю), где устраивался шатер *Иордани* (см. Приложение, с. 74). Его взгляд, охватывающий всю сцену действия (“полки вокруг ее становятся по всюду и занимают отдаленное пространство в городе”), вдруг круто меняет свое направление и обращается как бы извне на самого автора: “Мне казалось, глядя на себя, что я перьвой человек был в городе, и что скакать по улицам верхом [...] есть торжество ни с каким другим не сравненное” [74].

Но не только парады и церемонии служили почвой для “театрализации”, даже обыкновенные катания в санях привлекали внимание петербургской публики. Обыкновенными они были поскольку не несли на себе печати официальности, но незамеченными не проходили, особенно если их устраивал “малый двор”. В этих случаях тоже существовал своего рода шуточный церемониал назначения кавалеров дамам и порядок расстановки саней. Упряжки отправлялись в путь под звуки английских рожков. Долгоруков не раз участвовал в таких катаниях, но если все остальные не сознавали, как выглядит со стороны бег их саней по снегу, то молодой князь был тут как тут и наблюдал за общей картиной и за собой самим внутри этой картины: “Прогулки такие были очень величавы, и равно увеселительны, как для участвующих в них, так и для зрителей, по домам мимо которых ежжали” [95].

У автора часто встречается также слово “забава”, когда он говорит о каком-либо из наиболее частых занятий светской знати, но при этом он несколько не иронизирует, как это, напротив, часто случается, когда он рассказывает нам о странностях придворного церемониала. “Забавы” были узаконены в обиходе, были формой поведения, не обусловленной этическими нормами; считалось нормальным, что свет развлекается и показывает себя; но развлекалась в свою очередь и публика. Прогулки в санях в сопровождении красочного кортежа и музыкантов призваны были показать, что, “веселясь по-крупному”, двор делает свое дело и повышает свой престиж и политический вес как внутри страны, так и за границей. Подобное представление о жизни двора, о придворных, о городской знати и подобный театральный подход к идее государства, развившиеся в полную силу при Екатерине, примут в период царствования Павла I и вовсе гротескные формы, но в эпоху Александра I изменятся самым коренным образом.

“Великий Князь жила тут по большей части осенью и тешился театром и маневрами. В Гатчине он был хозяин, а в Павловске супруга его” (81). В этом сообщении Долгоруков раскрывает нам два увлечения Павла, которые после его восшествия на престол сольются вместе и превратятся в маниакальную страсть к военным парадам. Таившиеся в его душе милитаризм и увлечение театром будут способствовать превращению Петербурга в “военную столицу”, в столицу государства, живущего по уставу словно армия. В царствование Павла I главным стремлением было максимально ограничить личную инициативу человека, отбить охоту переходить к занятиям, не связанным с государственной службой. От Долгорукова не ускользают первые признаки военно-казарменных умонастроений Павла, сочетающиеся у него с любовью к представлениям. В первые месяцы службы в гвардии Долгорукова направляют в Царское село командой молодых егерей, он должен был проводить занятия по стрельбе холостыми зарядами “для забавы Великих Князей”, то-есть с участием малолетних великих князей Александра и Николая, сыновей Павла; местом для занятий было выбрано селение, названное Екатериной “Каприз”, потому что, по словам автора, императрица хотела “представить в натуральном виде театральную декорацию” [65]. Но сам парад состоялся рядом с театром на площадке перед Китайским мостом. И при описании этого события Долгоруков опять пользуется словом “зрелище”.

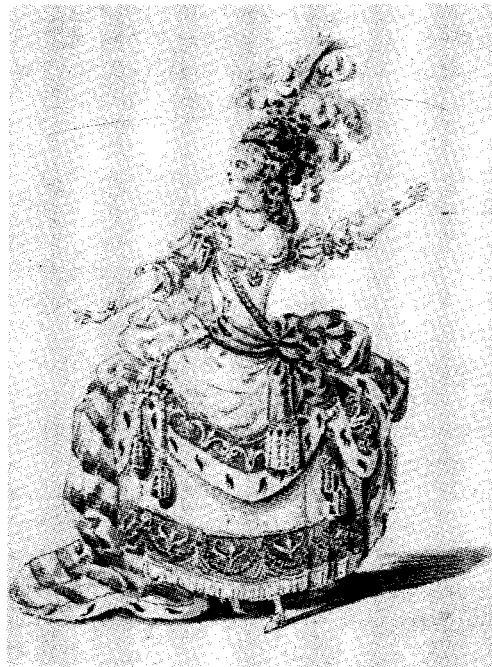
Гораздо ответственнее, но не милее сердцу, были парады, в которых пришлось участвовать самому автору. Долгоруков не был умелым наездником и, памятуя иронию, с которой он относился к придворным церемониалам, нетрудно догадаться, что особой охоты участвовать в них он не испытывал, тем более что приходилось рисковать собственным здоровьем — ведь парады и “фрунт” должны были проводиться невзирая на погоду. Кроме того он совершенно не находил эстетичными эти военные спектакли. “И эстетика парада, и эстетика балета имели глубокий общий корень — крепостной строй русской жизни” (Лотман 1992а: I, 281), а считал их бесполезным ребячеством: “Капитан [...] приказал от самага полку до дворца иттить всем офицерам в одних мундирах, не смотря на то, что когда увеличивался мороз до 15 градусов, Государыня сама позволяла развод отправлять без всякой церемонии, просто. Для нее сберечь человека, казалось гораздо полезнее, нежели двести одушевленных существ заморозить, для того только чтоб против своих окошек, показать народу кукольную комедию. Прошу прощения у всего российского воинства, но мне всегда казаться будут их разводы и вахт парады настоящим ребячеством” (40). Как уже говорилось выше, эта беспощадная казарменная рутина при Павле I примет гротескные формы: “Фрунт” был наукой и искусством одновременно, и соображения красоты, ‘стройности’ всегда оказывались тем высшим критерием, которому все павловичи приносили в жертву и здоровье солдат, и свою собственную популярность в армейской среде” (Лотман 1992а: I, 281).

Всеобщая театрализация, превращавшая в ритуал любой аспект жизни и приводившая к искажению отношений в обществе, а также, как следствие, к бегству в лоно театра, в мир воображаемой действительности, где могли показываться и превозноситься подлинные, человеческие чувства (многие пьесы из репертуара той эпохи носили нравоучительный характер), — распространялась не только на придворные церемониалы и торжественные события, не только на этикет дворянских домов и военные парады, но и на чисто семейные торжества, которыми отмечались различные этапы жизни человека. Свидетельством тому история женитьбы Ивана Долгорукова на Евгении Смирновой, рассказанная в *Описании свадебного церемониала*, наиболее значительные отрывки из которого приводятся в *Приложении*. Их нет нужды комментировать, достаточно будет лишь привести замечание самого Долгорукова, чтобы подчеркнуть его ироничность и двойственное отношение: с одной стороны гордость

оттого, что его брак празднуется во дворце наследника престола, а с другой критическая отстраненность и почти добродушное снисхождение к причудливым и порой нелепым затеям церемониала и традиционного обряда. “Так церемония сия происходила при дворе, то все мелочи дворцовых этикетов любопытны. Из них можно будет со временем увидеть, что у двора шум и блеск заменяют все, и что гораздо легче делать нарядные свадьбы, нежели созидать счастье семейное супругов” (113-114).

Свадьба Долгорукова была не только нарядной, но и принесла с собой “семейное счастье” и многочисленное потомство; первенца нарекли Павлом в честь августейшего покровителя. В возрасте двух лет Павлуша получил за подписью майора Бабарыкина приказ о производстве из виц-вахмистров в вахмистры с назначением в четвертую роту и позволением провести дома время, остававшееся до призыва на службу в полк. И в скобках — примечание отца, не расстающегося со своей любовью к театру: “Какая фарса!!!” (166).

На этом заканчивается петербургский период *Повести* Ивана Михайловича Долгорукова; продолжение его истории уже не будет столь безоблачным.

Сценический костюм. 1770-е гг.

ЛИТЕРАТУРА

- Дмитриев М. А.
1863 Князь Иван Михайлович Долгоруков и его сочинения. Москва 1863.
- Долгоруков И. М.
1870 Славны бубны за горами, или Путешествие мое кое-куда 1810 года. Имп. Общ. Истории и Древностей Российских при Московском Унив. Москва 1870.
1890 Капище моего сердца или Словарь всех тех лиц с коими я был в разных отношениях в течение моей жизни. Приложение к "Русскому архиву". Москва 1890.
1916 Повести о рождении моем, происхождении и всей жизни... Санкт-Петербург 1916.
- Ливанова Т.
1953 Русская музыкальная культура XVIII века в её связях с литературой, театром и бытом. Москва 1953.
- Лотман Ю. М.
1961 Русская поэзия начала XIX века. — Поэты начала XIX века. Ленинград 1961, с. 5-112.
1992 Поэтика бытового поведения в русской культуре XVIII века. — Избранные статьи, I, Таллинн 1992, с. 248-268.
1992а Театр и театральность в строе культуры начала XIX века. — Избранные статьи, I, Таллинн 1992, с. 269-286.
1992в Символика Петербурга и проблемы семиотики города. — Избранные статьи, II, Таллинн 1992, с. 9-21.
1994 Беседы о русской культуре. Быт и традиции русского дворянства (XVIII-начала XIX века). Санкт-Петербург 1994.
- Mooser R.-A.
1954 L'Opéra-comique français en Russie au XVIIIe siècle. Genève-Monaco 1954.

ПРИЛОЖЕНИЕ

ПОВЕСТЬ О РОЖДЕНИИ МОЕМ, ПРОИСХОЖДЕНИИ И ВСЕЙ ЖИЗНИ¹.....
(стр. 23-24)

Иван Михайлович Долгоруков

ЧАСТЬ II

(От вступления моего в Службу до женидьбы)

1781

[...] Дядя мой родной, генерал-поруччик Степан Матвеевич Ржевской, т. е. муж сестры родной моей матери, Софьи Николаевны,² не за долго перед сим привез из Питера воспитавшихся в Смольном Монастыре двух дочерей своих, моих двоюродных сестер, Феодосью и Прасковью. Они имели большия природныя дарования и склонность к рассеянной жизни; отец их [...] купил дом в Москве, расположился в ней житьем, и поставил театр, на котором по приглашению его, с дозволения батюшки, сестры мои и я, мы всю зиму играли комедии. Общество наше актерское сделалось очень велико. Всегда народу множество. Кто не поищет входа в такой дом в котором гусли, и всякое Муסיкийское согласие? И знатныя и мелкия люди, и старики, и ребята все к Ржевскому ездили. Всякой вечер были у нас репетиции, а после театров настоящих балы. В такой неугомонной жизни ознакомился я с большим светом, сделался известен всей моей братьи молодежи, и мало по малу отставал от домашних уединенных упражнений. Подстрекаем самолюбием блеснуть на поприще театральной славы, я вырабатывал прилежно свой природной талант, и готовился быть знаменит между молодыми людьми в этом искусстве. Играя на французском языке, я свылся с его слогом, оборотами, приучился выражать чисто и правильно, чего никакая школьная теория не дает без употребления, и обогатил память свою многими стихами, кои потом в обществе мне очень пригодились.

1782

По смерти князя³ весь штат его отправлен, для росписания по полкам, в военную Коллегию, и мне надо было туда явиться. Батюшка писал, чтоб меня отправили в Петербург [...]. Наконец, в великой четверток 24 марта, привезен я в Петербург [...].

Петербург очаровал мою голову, но не пленил моего сердца. На другой день моего приезда я на все смотрел с изумлением, но все жалел о Москве.

(стр. 29-30)

Первой случай, которой подействовал на все мои чувства, был день Светлага Христова воскресенья, и образ его отправления в Петербурге. [...] Великолепие дворца и праздничной церемонии; пушечный сигнал в полночь, и вместе с ним, скачка всех живущих в городе к придворной заутрени; лучезарное освящение храма; толпы разных мундиров и лиц всякаго народа; богатство придворных вельмож и золотья их платья; величественный вход *Самодержицы*, и гул раздающийся во всех концах пространных ея чертогов; все это вместе составляло для меня очаровательнейшую картину, земнаго рая. Но все это зрелище ничего не значило в сравнении с тою минутой, в которую я по принятому при дворе обряде, удостоился в след за многими сотнями людей старее меня и чиновнее, приблизится к *Монаршему* месту, и поцеловать *Екатерину* руку. [...] Всякой полк подходил с своими чинами сам по себе, а я в толпе разнородных лиц и племен смешан с козаками, гусарами, и заежжими судьями, я в своем полевом мундире, составляющий какую то мелкую единицу в целом, без начальника и предводителя, шол в нитке с другими и с трепетом прикоснулся к деснице *Екатерининой*. [...] У двора в этот день заутрени отправляется без расходу с обедней. После обедни все разъезжаются домой спать, и мы с батюшкой сделали тоже. Над Невой уже восходило яркое светило дня, но мне не до прелестей было природы [...].

Отдохнувши порядочно, мы с батюшкой обедали у дяди, и после обеда опять собрались во дворец. Там отправляется обыкновенно вечера публично и с большим великолепием. Двор в том же наряде как и у обедни. Все дамы съезжаются поздравлять *Государыню*. После вечерни и в церкви подходят к руке, а во внутренних покоях все иностранныя министры *Государыню* приветствуют и допущаются также к

руке. Тут я увидел все красоты Петрополя, в пышных нарядах, тьму прелестей коими обогащается сия столица о которой можно сказать языком Сумарокова:

И небо осудя ес на жертву хладу,
Рождает красоту на место винограду.⁴

Тут заметил я собор дипломатов со всего света приносящих в дань *Екатерине* восторг и изумление всех владык вселенной. Тут я учился познавать, что престол российской, когда мудрый Царь сидит на нем, есть трон перьваго владыки в свете. Какая сановитость пленительная в *Императрице*! Какой блеск во всей ея прислуге! Какое трепетное уважение к Священной ея особе и сколько хамелеонов в этом величайшем замке, которой называется дворцем. Довольно видеть две, три церемонии чтоб отгадывать что такое двор, и люди у двора. Во вторник на Святой Неделе бывает огромной бал при дворе, и батюшка мне его показал. Я ходил только из стороны в сторону в пространной зале наполненной дворянством, но танцевать не мог. Одни гвардии офицеры сей честью пользуются, но много видел, много заметил, и Святая Неделя в настоящем годе была большим шагом для меня в просвещении и значительным уроком в науке жить с людьми.

(стр. 35-36)

Во всякое время дня прохаживаться мы могли против Зимняго Дворца, по всей его набережной на Неве. Уж и это было для меня большое удовольствие; иногда кого нибудь встретишь, - иногда услышишь отголоски чьей нибудь серенады на Неве. [...]

Наступил Петров день. *Императрица* всегда праздновала день имени сына своего и Наследника Престола в Петергофе. Там бывал славной маскарад и весь Петрополь пешком, верьхом, в каретах туда переносился; и меня батюшка возил с собою. [...] Какое очаровательное представилось глазам моим зрелище! С роду не видавши другой реки кроме Неглинной и Москвы, я очутился на берегах моря; бездна вод приводила в изумленье. Фонтаны меня зарадовали; стечение народу подобное облаку насекомых в воздухе, более всего действовало на мое воображенье. Я всегда любил сходбища народныя преимущественно всему другому, и самым красотам природы. Natura прекрасна, но она молчит. С людьми я говорю и они меня разумеют. [...] Описание Петергофа не входит в план моего сочинения; скажу только, что я от всего того что мне в нем бросилось в глаза от придворнаго великолепия, толпы и народа, звуков разных музык, тьмачис-

ленных огней в садах и на воде, от яхт колеблемых морскими волнами, от Самсона мещущаго брызги свои выше всех крышек придворных зданий, словом от всей пышности и суеты возвратился в Петербург, как из волшебнаго замка вне себя, и не мог вместить своих восторгов.

(стр. 37-38)

Еще до ныне не простыл энтузиазм, которым тогда *Екатерина* умела воспламенить народ свой. Дивясь и ныне лику *Петра*, - славят *Екатерину*.

Все полки гвардии и полевая были наряжены в строй. Фельдмаршал Голицын,⁵ поседевший во бранех, командовал всеми войсками. Все старики предводительствовали своими полками: Потемкин вел Преображенской; Водковской шел пред Семеновским. От самага дворца во все улицы раставлены были войска с орудиями. Обе крепости ожидали сигнала. Гвардия окружала монумент, и по всей площади тянулась шпалерами. На балконе Сената *Императрица* окружена была всеми Государственными чинами, и рой придворных журчал вокруг Ее. Все с трепетом ожидало ея соизволения. Свиснула ракета! Огромная стены заключавшия монумент мгновенно пали. Явился изумленному взору свосго народа *Петр I*. Яркое чело кумира возсияло солнечными лучамя. Сама природа улыбалась северному полубогу. С этим мгновением во едино раздался во всем городе крик и оглашалась вся площадь магическим словом русским: Ура! - Отголоски его разнесли звук свой во все края Петрополя. Полки пристрашными залпами приветствовали препрославленнаго *Петра*. Гром пушек на судах, и по крепостям, несумолкну сотрясал твердь воздушную. Воды Невския быстро потекли к морю, возвестить о славе свосго победителя. Флот воздвиг широкой флаг российский; знамена покрывали землю, став стросем вокруг статуи, и все полки двинулись на поклонение *Петру*. Минерва северных стран, опершись на балкон уклонила перед ликом знаменитаго свосго Предка, и все гражданские чины пали к стопам его раболепно. Не знаю может ли быть что величественнее сей картины. Не смею и не могу изобразить ее.

Всем полкам велено было проходить повзводно около мунумента, и салютовать *Петру*, потом, идучи мимо Сената, отдавать честь *Екатерине*. Я шел перед взводом с капитаном Мятлевым.⁶ Шествие полков продолжалось часа три. Церемония происходила по полудни, а не прежде вечера кончилась. Начто много говорить о безподобном сем припошении *Екатерины*? Надпись на камне золотыми буквами в просто-

те своей все выражает - *Петру I-му Екатерина II*. Все сказано в немногих сих словах. На сие торжественное открытие монумента, выбиты были медали и жетоны серебряныя. Офицеры, бывшия в строю, получили каждый медаль, а рядовыя всех полков по жетону. [...]

В Сентябре месяце еще была огромная церемония у двора, которой я также был свидетелем. *Государыня* изволила учредить новой орден Святаго Князя Владимира, и сочинила статут его. 22 сентября, день в которой праздновалась ея коронация, назначен был для обновления сего ордена. Все Государственныя чины съехались ко двору. После литургии и обычнаго молебна освящены знаки гражданскаго сего ордена, и *Государыня* изволила его возложить на себя. В то же время учреждена кавалерская дума, из 12 членов. Самыя старшия и знатнейшия вельможи ее составили, и каждый из них получил большую ленту Владимирскую со звездою через плечо. [...] Действие освящения сего ордена происходило в Капитуле всех российских орденов, для котораго особой назначен был великолепный дом под названием канцлерскаго. Ничего не упущено для придачи сему церемониалу всей важности возможной, а я только что восхищался как дитя всеми этими пышными игрушками двора.

(стр. 59)

1785

Настоящий год я провел довольно весело, и Петербург стал мне нравиться. Я ежжал во все лучшия дома, свел лестныя знакомства в моем возрасте, ежжал в публичныя места и особенно в театр, охотник будучи до французскаго, которой в то время славился своими талантами. Зимой по очереди и наряду ежжал на балы *Великаго Князя*, и там лицо мое сделалось уже не ново. Один раз мне довелось провести самое Великую Княгиню, с верьху колонны в низ, в контреданце именуемом *Galopade*. Сколько я этим гордился перед другими! В другой раз Великая Княгиня удостоила меня своей речи, и все это меня очень воздымало. Начальники по службе меня разумели хорошо; товарищи любили, [...] и что всего этаго лучше, я уже влюблен был смертельно в кн. Щер(батову)⁷ - и всякой вечер томился в скромных восторгах у нее в доме. Сколькож причин почитать сей год перьвым годом приятным для меня в Петербурге! Действительно я обязан его отметить в жизни моей самыми светлыми красками.

(стр. 65-66)

Являсь к Н. И. (Солтыкову)⁸ получил от него приказание, поучить Егерей стрелять холостыми зарядами, и потом привести на неделю в Сарское Село, для забавы Великих Князей. [...] У самого Сарскаго Села выстроена была слободка. *Екатерина* называла ее Капризом, потому что хотела без оптики представить в натуральном виде, театральную декорацию. Тут отвели для моей команды квартиры, а я нанял себе не по далску особую горенку; всякой день я ходил их учить по два раза; ненастье продолжительное препятствовало Великим Князьям их видеть, а мне кончить мою компанию. [...] Наконец возсияло солнце, ясное время выманило всех из чертогов на мураву. Н. Ив. хотел наперед сам осмотреть моих кукол. [...] После его смотра, которым я был очень одобрен, велено мне день спустя представить моих рыцарей их Высочествам.

Вывел я их во фронт в двенадцать часов, близь театра на площади у Китайскаго моста, изготовясь к смотру донес о том Н. Ива. Великия Князя со всем штатом своих надзирателей и кавалеров, изволили выдти в сад. [...] Когда начался марш по барабану, им угодно было самим стать в шеренгу и с ними идти вперед, и так могу похвастать, что я первой обучал Великих Князей ходить в ногу с солдатами по барабану. [...] Константин Павлович безпрестанно меня обо всем спрашивал, и хотел весь маханизм узнать в одну минуту. [...] Учение продолжалось с час, и когда велено было мне распустить команду, я приметил, что Великия Князя с неудовольствием отозваны были от этого зрелища [...].

(стр. 67-68)

Тут я насмотрелся придворной суеты и величества. Хотя мало еще разсуждал, однако иногда видал и я сколько пустоты в обрядах придворных, сколько вздора в этикетах, пленялся всегда сановитостию *Императрицы*, которой она ни же в простом образе жизни не теряла. [...] Такое зрелище меня восхищало [...]. Почтение и страх не препятствовали мне за столом *Императрицы* до сыта наедаться с таких блюд, каких кроме двора нигде не готовили, и пить лучшее вино всех краев заморских. Пока я сидел за столом, весь двор и наружный блеск его столькоже принадлежал взору моему, слуху, и всем прочим чувствам, как и самой владычице Российской. Все около ее дышало роскошью, негой и пышностью чрезмерной [...].

(стр. 69)

Порядка в доме ни в чем не было никакого, всякой день шум, толпа, забава, старики и старухи посядут в карты играть; молоденькия грохочут и пляшут. Казалось, что на воротах ге(неральши) Б(ороздиной)⁹ написано было: *Сюда, сюда, здесь только и весело!*

Воспользовавшись лаской и доверенностию к себе сыновей и матери, вздумал я предложить о театре. Б(ороздина) всякое рассеяние любила до смерти. Мысль моя ей понравилась, тотчас сделан рисунок, позван подрядчик, набрана труппа актеров, сделали между ими и другими посетителями складку. Сумма набралась достаточная, ударили в топоры, заставили маляров писать кулисы, и театр скипел в минуту; все довольны, и хозяева и гости; труднее было всего набрать женщин. Молодые девушки при предложении о театре облизывались, краснели и говорили *стыдно*. [...] Мы назначили играть *Сивильскаго Цырюльника*;¹⁰ тут одна только и была женская роль. Выучили очень скоро, но долго репетировали, потому что в обществе нашем, как и во всяком другом, происходили разныя мятежи и происшествия. Однако мы восторжествовали над всеми препятствиями и дали три раза, довольно удачно нашу комедию, имея во всякое преставление человек до сто зрителей. Я сыграл любовника испанскаго Алмавиву, спел довольно исправно свою арию, которую вторил мне на скрипке известной Хандошкин,¹¹ вся наша публика очень довольна была этой забавой, и могла бы она продолжиться долее, но следующий, хотя смешной, однако и неприятной случай, разстроил наше общество. Читатель здесь заметит мимоходом, что я с самага перваго шага в свет, всегда работал двум страстям, или любви, или театру. Когда не играю то влюблен, когда не влюблен то играю, и так-то утекла почти вся молодость моя, как резвая волна, которую гонит тихий ветерок.

(стр. 72)

При начале зимы умножились мои рассеянии. Гр. Стро(ганов),¹² дядя мой, посредством гр. Мус(ина)-Пушкина¹³ исходатайствовал мне честь быть на балах Великаго Князя. [...] По его благоволению ко мне угодно было его Высочеству приказать записать меня в список приглашаемых на его балы, как в Зимнем дворце, так и на Каменном острове. Они давались два раза каждую неделю; [...] Всю зиму я этими балами пользовался, не пропуская ни одного. [...] Главное для меня приобретение от сих балов было то, что я узнал все уловки двора и

придворных, наглядывая в самое широкое стекло на суету мира, и насыщался ею, запасался сведениями для будущей моей жизни. Ничто таких опытов не приготовит как двор, тут человек виден во всех его отношениях; обстоятельства меняются ежечастно, по воли их он и падает и возвышается; голова его становится лабиринтом, из которого иногда никакая нитка не выведет души на истинной путь ея спокойствия и тишины. Ах дети! Друзья мои! Какая школа Царския чертоги!

(стр. 74)

1786

Первое удовольствие мое в наступившем годе, состояло в Богоявленском параде; в Крещеньев день бывает обыкновенно крестный ход из дворца на воду в Адмиральтейском канале, на котором готовится Иордань.¹⁴ Полки вокруг ее становятся по всюду и занимают отдаленное пространство в городе, фрунтом командует по наряду очередной штаб гвардии. [...] Мне казалось, глядя на себя, что я перьвой человек был в городе, и что скакать по улицам верхом, в знаке и шарфе, рассчитывать ряды, таскать за собою кучу сержантов, есть торжество ни с каким другим не сравненное. Для меня эта Иордань была Троянов триумф, и я отправя парад был собой чрезвычайно доволен. Церемония кончилась благополучно. Великой Князь изволил с своего балкону смотреть по обыкновению на полки, кои мимо дворца проходя повзводно салютовали его Высочеству и отретировались, солдаты по казармам, а мы по своим домам [...].

(стр. 76-77)

Между знатнейшими домами в Петербурге по рождению и богатству считался дом принцессы Голштенбекской.¹⁵ [...] Прием к ней был ате-статом для молодого человека; [...] она любила забавы большого света, театры и балы. Богатство позволяло ей роскошь. [...]

По случаю детского спектакля в ея доме, скоро по приезде мосм, имел и я честь быть приглашен к ней. Принцесса меня приняла с лестной благосклонностию; и предложила мне играть у нея на театре. Таков ли я был, чтоб отказаться от этой работы? Славной Французкой придворной труппы актер Т. Hoffrene¹⁶ хаживал нас учить и управлял нашим зрелищем, потому что принцесса любила в доме своем давать не игрища, а настоящие комедии. Я любил театр чрезвычайно, и сверх

общих наставлений, кои давал нам Гоффен, при репетициях, хаживал к нему на дом брать уроки; я так ему показался способен, что он принялся за меня с крайним усердием, и в короткое время, я до такой точности подражал его голосу, ухваткам, произношению, что затворя двери в комнату где мы вместе проходили мои роли, сама жена Гоффенова часто ошибалась, и по голосу принимала меня за него. У принцессы готовилась французская комедия *La soirée à la mode*, в которой я играл пожилова барона; прочия актеры были господа Энгельгард, Ржевской,¹⁷ тот же, с которым я играл у Бор(оздиной), родственник мой кн. Сер. Вас. Дол(горуков),¹⁸ Свистунов, и учитель принцессина сына; актрисы: Г-жа Ломак урожденная Хрущева, монастырка, барышня Ивкова¹⁹ с пригожеством и талантами природными.

Репетиции наши были не так, как водится во многих благородных театрах, одно условное сходбище чтоб резвится в свободе, нет! Мы не прежде сыграли комедию, как удостоверясь Гоффеном, что она пойдет хорошо. В самом деле трудно было бы охотникам удачнее нашего сыграть, и из всех театров благородных не было совершеннее нашего. Тут то я нажил славу свою в этом роде; все называли меня молодым Гоффеном; рукоплескании не умолкали, и я поднялся на ходули; дарование театральное было тогда заметно в людях благородных; оно давало им особенную цену в отборных обществах. Двор сам любил мимику, вкус его разливался на все состояния. По большой части не всегда то только и хорошо, что в правду хорошо, но что любо двору, то бывает любо и всем; старой закон гражданского мира! Столичные жители всегда обезьянут Царския чертоги.

(стр. 78-79)

Их Высочества любили театр. Он, как я сказал уже выше, был забава по моде. Великой Княгине захотелось дать супругу своему сюрприз, и нечаянно представить ему в Гатчине театральное зрелище. Камергер Гр. Черны(шев)²⁰ заправлял этим делом и составлял труппу. Не трудно было набрать ее из фрейлин, при дворе тут живущих, и из придворных. Всякой за честь себе ставил попасть в список. Расположились они играть драмму *Честнаго Преступника*, разумеется по французски, другого наречия при дворе не было. Престарелаго отца в ней играть было у них некому. В самое это время везде кричали о моем таланте. Черны(шев) доложил о том Великой Княгини, и испрося дозволение причислить меня к их кругу, сообщил о том г-же Бекендорфовой,²¹ потому что сам лично не был знаком со мною, а Бекен(дорф) была и в тесной

связи приязни с Великой Княгиней, и очень коротка в доме у принцессы. Через нее начались со мною переговоры; принцесса мне сделала предложение играть у двора [...].

Там начался для меня новой и волшебной род жизни. [...] При драмме *Честного Преступника* готовили оперу небольшую с ариями и куплетами в честь герою торжества Великому Князю. Опера кончалась балетом, - все это сочинял гра. Черны(шев) обер балагур придворной. Сверх роли в драмме мне дали и в опере и в балете работу. [...]

Настал день моего избавления.²² Из Петербурга съехалось множество знатнейших господ; почти все иностранные послы были приглашены. Это происходило около Петрова дня; погода была прекрасная, спектакль шол очень удачно. [...] Я играл удачно. Все мне рукоплескали; были места, в которыя я заставлял зрителя плакать. Между растроганными мог я заметить и француза Т. D'Aguessau, которого похвала мне лестнее казалась многих моих соотечественников. Он нагледся своих домашних театров в Париже, и мне трудно было тронуть зрителя, уже давно избалованного в этом вкусе. Всеми похвалами какие я приобрел тогда обязан я урокам Гофрена [...]. После драммы изрядно пропел я и арии свои, а танцевал хоть плохо, да смешно, то то в роли моей и надобно было [...].²³

(стр. 86)

Ни один год не был так богат удовольствиями, как настоящий. Все лето мы играли разныя комедии, то в Павловском, то в Гатчине [...]. Я старался угождать их Высочествам моими слабыми дарованиями, дабы приобрести их благоволение и, казалось, на то время успел в моих видах; Их Высочества меня жаловали, принимали всегда благосклонно, часто изволили со мною говорить; я всегда имел хорошую комнату и во всем довольство. Надо признаться, что приезжающия в местности Великаго Князя, всегда были очень хорошо угощаемы; всякой имел свой номер, в которой принашивали по утру и по полудни два раза в день полной прибор чаю, кофе, шеколаду и пред обедом хорошую закуску [...]. Стол всегда прекрасной, по вечерам музыка в саду и разныя игры, или благородной театр, или немецкой; в саду качели, кегли, свайка, в комнатах волан, жмурки, фанты, танцы и разныя другия игры. Всякой ими пользовался и принимал во всех забавах участие. Немецкой театр был всего скучнее, это правда, особливо для меня, потому что я не разумею языка, но их Высочества не могли иметь другаго. Русской, Французской и опера Италиянская работали для пу-

блики в Петербурге, и, часто, в свободные дни отвлекались в Эрмитаж к Императрице.

(стр. 88-90)

Называть по именам все комедии, кои я разыгрывал на разных театрах было бы пустое; на иных однако можно остановить внимание, потому что они имели особенное на меня действие. При В. К-зе жил швейцарец по имени *La Fermière*,²⁴ которого он очень жаловал и в досужное время, особенно по полудни заставлял его читать у себя разные книги для своего занятия. Иностранец этот имел познания очень хорошие, и уже немолодых был лет, но весьма груб и неприступен для людей ему незнакомых. Он сочинил Французскую оперу *Le Faucon*, которая понравилась их Высочествам, и действительно была затейлива; вся в тогдашнем вкусе, т. е. очень романическая, довольно велика и состояла из трех действий. Музыка сочинил для нее г. Борт(нянский)²⁵ превосходную. Их Высочествам угодно было чтобы мы ее разыграли. Читана она автором самим публично при всех при нас в одно пополуденное время, в кабинете В. К-зя. Тут же розданы роли и назначено ее учить. Мне надлежало ехать в Москву к сестриной свадьбе, и я от роли своей учтиво хотел отозваться, но заменить меня новым лицом у двора не хотели. В. К-ня просила меня остаться, я должен был исполнить волю ее, и от этого зрелища после так сильно влюбился в Смирную,²⁶ что уже после комедии не имел сил от нее удалиться. И так, вытвердили мы оперу; зрелище было прекраснейшее, я сам имел ролю не важную [...].

Прежде нежели кончить речь о театре, заметим еще странность. Я никогда не учился музыке и правил ее совсем не знал, следовательно мог петь по привычке народную песню, но не арию в опере с оркестром. Однакоже я пел в операх и самые значительные роли, не ошибаясь ни в одной ноте, напротив случалось иногда в квартетах, где так музыка многосложна и збивчива, помогать другим мурлыча про себя их партию, и всегда кстати и во время попадал в свое собственное место. [...] Сама В. К-ня когда ей о сем доложили не хотела верить и нарочно пришла на одну школьную репетицию, чтоб удостоверится в этом. Борт(нянский) сидел за своим фортепьяно, у нас у всех, в том числе и у меня, ноты были в руках, всякой пел свою партию, дошла до меня очередь и я, глядя на ноту, очень исправно пропел свой куплет. «Как же, - вскричала В. К-ня, - государи мои, вы сказали, что он музыки не знает, да он поет по ноте». «Извольте Ваше Высочество приказать кн.

Долго(рукову) показать вам место на бумаге, которое он теперь подтвердил» - отвечивал Борт(нянский). Государыня подошла ко мне ближе, и какое было ея удивление, когда она изволила увидеть, что, не только я схватил совсем не ту партию, которую в то время разыгрывали, но даже и бумагу держал вверх ногами, что ясно показало Ея Высочеству, что я никакого понятия не имел о музыкальных правилах и пел одним навыком, благодаря верному своему слуху и памяти.

(стр. 95-96)

Зима также как и лето в тот год наполнена была забавами. Их Высочества часто собирали катаньи санныя и ежжали с многолюдным обществом обедать на Каменный Остров. Обряд сих прогулок был таков: приглашали одних дам и девушек; каждая из них выбирала своего кавалера, разумеется тех, кои имели право приезжать к меньшему двору. Пар до шестидесяти иногда составляли катанье; все съезжались с утра, завтракать на половину Их Высочеств. Каждой кавалер имел свои сани с двумя вершниками; после чаю и разных закусок кавалеры брали номера из чаши и, кому какой выходил, того сани там и становились. Сам В. К-зь, которой всегда изволил кататься с супругою своею, вынимал номер, и не редко сани его бывали позади многих других в колонне. Впереди всего катанья ежжал конюший, а за ним в большой фуре духовая музыка, которая вплоть до Каменного моста играла. Прогулки такия были очень величавы, и равно увеселительны, как для участвующих в них, так и для зрителей, по домам мимо которых ежжали. [...] На Каменном Острове всегда угощались посетители обеденным столом, после обеда почти тотчас на тамошнем театре французская придворная труппа давала зрелище, обыкновенно прекрасное, и по выбору предварительному Их Высочеств. После спектакля все разъезжались в город в каретах своих с факелами, и дни, на сии праздники назначаемыя всегда были для меня первейшими праздниками в году.

Однажды, и мы после катанья давали между собой спектакль их Высочествам. В тоже время как у принцессы играл я первую ролю в комедии *Le Philosophe marié*,²⁷ захотели их Высочества чтоб и у них на театре ее дали, и так в обеих обществах я играл туже ролю, но с разными лицами. Будучи в городе и в возможности учиться по прежнему у Гоффрена я выработал свою ролю мастерски и, по уверению всей публики, играл ее превосходно. Целую неделю я только и делал, что на пробы ездил то к принцессе, то к Их Высочествам. Здесь обыкновен-

но репетиции делались после обеда в кабинете В. К-зя. [...] Это представление усовершенствовало мое искусство и слава моя в декламации возвысилась до последнего степени. Старой и угрюмой сенатор Стре(калов),²⁸ который между прочим управлял придворным театром, подошедши ко мне после комедии очень резко и насупившись сказал: “Мне очень жаль, что вы Князь Долг(оруков), а то бы я вас нанял на придворный театр и дал вам четыре тысячи жалованья в год”. А он и сам не получал по службе такой суммы.²⁹

1787

ОПИСАНИЕ СВАДЕБНОГО ЦЕРЕМОНИАЛА³⁰

(стр. 115)

31. (Генваря) — Мороз пятнадцати градусов не переменил расположения Их Высочеств отправить свадьбу нашу на Каменном острове. Туда все званы были на вечер, и родные мои, и прочия чины городския, и все иностранныя послы, словом, вся публика приглашена была на бал.

(стр. 116-120)

Несколько минут потом привезена и невеста. За нею прибыть изволили Их Высочества. Невеста одета была в шитом глазетовом платье, украшена всеми бриллиантами В. К-ни. Она сама изволила ее убирать, как водится при фрейлинских свадьбах. Начался обряд бракосочетания обычным образом.

В церкви одни только были наши родные. [...] Их Высочества изволили отправится во дворец, где и началась музыка. После них подали нам придворные экипажи. Я с Гр. Пуш(киным) сел по прежнему в одну карету, жена моя с Г-жей Лив(ен) в другую, и в залу явились мы вместе, где все нас в запуски поздравляли.

В. К-зь изволил открывать бал с женою моею польским, а В. К-ня со мною, потом бал продолжался во весь вечер очень весело и великолепно. В девять часов, обыкновенной час ужина Их Высочеств, пошли мы первыя за ними к столу. Жена моя была возле В. К-ни, с одной стороны, а я с другой рядом с В. К-зем. Против нас посадили наших родных. Стол накрыт был на двести кувертов слишком. [...]

По окончании стола, бал продолжался еще с полчаса; но я тотчас в той же придворной карете отправился с гр. Пуш(киным) в город, на свой квартиру, где встретил нас с хлебом и солью дядя мой, бар. Стро(ганов). Тем временем жена откланивалась Их Высочествам, была снова у руки В. К-ни, и вместе с г-жей Бенк(ендорф) в придворной карете, прибыла в мой дом, где я ее встретил на крыльце при игрании труб и литавр.

[...] гр. Анна Ник. Пушкина,³¹ сестра ея княг. Меньшикова,³² и княг. Нат. Ива. Кур(акина)³³ почетныя дамы с стороны моей и княг. Щербат(ова) повели по обряду жену мою в спальню и там ее одели в ночное платье, а г-жа Бенк(ендорф) снимала Царския бриллианты для возвращения в целости В. К-не. При сем обряде тетקי мои не присутствовали, потому что етикет не позволяет вдовам исправлять сих окончательных церемоний.

2. Февраля - [...] В вечеру были на бале на Каменном Острове, где идучи к столу за ужин В. К-ня из особенной милости к жене моей, чтоб она не простудилась, изволила ей сама приколоть косынку. Вообще Их Высочества продолжали к нам самое благоприятное обращение.

3. Февраля - [...] Из Смольнаго приехали мы на званой бал к кн. Вас. Вас. Долго(рукову)³⁴ которой он придравшись к нашей свадьбе давал под сим предлогом для того, чтоб потешить прекрасную свою жену, даму весьма рассеянную. Этим балом мы однако не удовольствовались. Евгения моя любила попрыгать и я желая ее тешить как ребенка, поехал от Долго(рукого) после ужина, следовательно по тогдашнему за полночь, еще на Англинской бал.³⁵ Эти аглинския балы давались по середам; сегодняшней бал очень люден да и последний в разсуждение масленицы.

4. Февраля - [...] Вечер проводили мы на бале у гр. Остер(ман),³⁶ где были и Их Высочества, которыя при всякой встрече с нами, оказывать изволили постоянныя знаки своей милости и внимания.

5. Февраля - [...] На завтра нашей свадьбы в вечеру были на бале на Каменном Острове, где В. К-зь изволил пригласить нас на завтра на катанье [...].

6. Февраля - Мы явились с утра на половину Их Высочеств для катанья. Я выше описал каким образом происходили сии увеселения. В этот раз я заимствовал сани у дяди бар. Стро(ганова), которому чин давал право ездить в них с вершниками. На Каменном острове после катанья был обед; тотчас за ним бал, и наконец в вечеру французской

спектакль придворной группы. В. К-зь любил сам танцевать и часто так как и в этот день целой контреданец пропрыгал с моей женою. После театра все разъехались и мы ужинали дома одни.

7. Февраля - Воскресенье и последний день масленицы, званы мы были на обед к Ив. Ив. Бецкому,³⁷ но не могли исполнить сей обязанности, потому что у жены разболелись зубы. [...] К вечеру однако Евгении стало лучше, и мы поехали к Вас. Вас. Долго(руко)ву, у котораго давали благородной спектакль. По окончании его мы не уживавши тут, поскакали в маскарад, и там кончили масленицу вместе с нашими свадебными пиршествами.

ЧАСТЬ III

(От женитьбы моей до Начатия Гражданской Службы)

(стр. 122-123)

Пока мы сбирались не на долго в Москву, Их Высочества заготовляли себе забавы к лету, и снова стали у двора их помышлять о театрах. Иностранец о котором говорено выше,³⁸ написал еще большую оперу; он выбрал предмет из истории Дон Карлоса. Костюмы и вкус представления заимствовал с Испанскаго. Надобно было ее прочесть и разобрать роли; всю нашу труппу свезли на Каменной остров. Там Их Высочества откушавши с двенадцатью только человеками из труппы их, в числе коих был и я с женой, приказали автору прочесть свое сочинение в кабинете В. К-зя. После обеда пиеса прочтена, роли разобраны; перьвая дана жене моей, Дон Карлосова отца назначено играть мне, и условясь показать ее в Июне в Гатчине, мы разъехались. Тот же Барт(нянский) должен был сочинить музыку. В Марте мы откланялись Их Высочествам, и в розвальнях покатили в Москву.

(стр. 128-129)

Наступил Петров день; Москва в восторгах носила *Екатерину* на руках, и вслед за ней везде толпы народа кричали ура! А в Павловске среди лесов и сельских предметов отзывались их отголоски и сообщали нам тамошнюю радость. В оба сии высокаторжественныя дни 28 и 29 у В. К-зя даны великолепныя обеденныя пиры на несколько сот кувертов. Все первостатейныя чины приглашены были к оным, и после обедни подходили к руке Их Высочеств. [...] В самой Петров день в

вечеру дан огромный маскарал, на которой съехался весь город. Теснота и шум был превеликой; на завтра все пришло в обыкновенное свое состояние. Умолкли восклицания народа, и остался один лесной хозяин соловей забавлять жителей замка своим роскошным голосом. Спустя несколько времени, *Императрица* возвратилась в свой дворец, и любимое жилище Сарскаго Села, окончив полугодовое свое путешествие со славою и вожделенным успехом.³⁹ [...] Петербург снова оживотворился, увидя зрак *Екатерины*. Все сословия толпились к ногам ея с поздравлением, и после нескольких дней восторгов обыкновенных, за истину коих однакоже никогда к несчастью ручатся нельзя ни под каким скипетром, все вошли в прежнюю свою тарелку. В Петербурге начались опять гульбища по садам и набережным, катанья на островах и серенады. В Сарском Селе большие столы по воскресеньям, и маленькие беседы по прочим дням; а в Павловске принялись снова за театральные увеселения.

Испанская наша опера готовилась с большим великолепием. Музыка сочинена Барт(нянским) еще трогательнее и лучше нежели для прежней; новыя написаны славным художником декорации; сшиты на счет двора всем актерам испанския костюмы. Представление *Дон Карлоса* стоило двору конечно до четырех тысяч рублей. [...]

Опера *Дон Карлос* произвела на театре особенное действие, и не могла не понравиться всем: великолепие декораций, богатство костюмов, превосходная музыка, заманчивый склад интриги в опере, все пленяло и взор, и слух, и чувства зрителя. В первом действии на нас были платья суконныя с галунами, во втором шолковыя с бриллиантами. Я играл самого Дон Карлосова отца, и на мне все нашиты были В. К-я бриллианты, коими убирается его торжественной золотой кафтан в знаменитыя придворныя выходы. Мой один оклад можно было ценить тысяч в три ста. Все алмазы и каменья Их Высочеств были выложены в тот день на театре, и каждой актер как выпускная кукла, показывал на себе разноцветныя сокровища придворной гардеробы; на ином собраны были все жемчуги, на другом сияли изумруды, на ком аматисты, на ком бирюзы. Глаза очарованы были совершенно разностию лучей и света от драгоценной уборки нашей отражающихся; все мы вообще очень удачно и пели и играли. Действующими лицами были Вадк(овский),⁴⁰ Черн(ышев), Гол(ицын),⁴¹ Виолие⁴² и я; Г-жа Шац, Пел(идова)⁴³ и Говен.⁴⁴ Два раза повторили мы сей это представление, и может быть еще больше зимою довелось бы его сыграть, еслиб политическия обстоятельства не прекратили вдруг сии невинныя забавы.⁴⁵

1788

(стр. 137)

Турецкая война, прекративши как выше я сказал забавы меньшого двора, лишила нас случаев видеть Их Высочества столь же часто как прежде. Отсюда началась остуда их к нам. У двора все непостоянно; там кто чаще всех на глазах, тот и милей. Комедии для которых мы так нужны были прекратились, с ними отношения наши исчезли. Видя что мы напрасно стали бы только проживаться в Петербурге, вознамерился я отправится на некоторое время в Москву.

(стр. 156-157)

Гр. Строганов,⁴⁶ другой дядя мой, [...] имел прекраснейшую дачу на малой Невке против Каменного Острова⁴⁷ [...] Дача имела все возможные прелести, дом прекрасной, не большой, но удобной для всякого рода сельских забав и построен на самом берегу реки. [...] Сад большой аглинской в новейшем вкусе; [...] Сам хозяин был из тех людей, кои по характеру любят веселить и веселиться. Он страстно любил художества и все искусства и всегда был окружен артистами. [...] Графу захотелось отворить свой сад, для прогулки простому народу по воскресным дням. С начала ходили немногия; но скоро вошли во вкус, стали приезжать и в каретах. Кучки сделались толпами. Граф радовался что гулянья у него входят в моду, намостить велел полы в шатрах, будто для одной защиты от ненастья. Потом приводить стали туда по три скрипки, среднего состояния гуляки привыкли по маленьку в этой зале плясать сперва по русски, по цыгански, а потом мастеровья немцы и французы образовали своими кружками разные светския танцы. [...] Евгения предложила по воскресеньям давать настоящие балы. Мысль эта хозяину понравилась; он ожидал только на это стороннего вызова. На все лето нанята наша Семеновская роговая музыка, лучшая во всем городе и оркестр скрипачей. В зале начались балы по форме, а для народа в других местах цыганки, плясуны, песенники и обыкновенные их устроились забавы. И так, воскресные дни нечувствительно обратились в великолепные праздники. Весь город стекался в сад гр. Строганова. Дом и алеи все было наполнено народом. Нева покрывалась шлюбками и ботиками около пристани. Мы всем этим наслаждались даром; [...] и скоро славная дача Нарышкина,⁴⁸ в которой воскресные гулянья от самых давних пор учреждены были, уже не смела выдержать совместничества с дачею гр. Строганова.

(стр. 163-165)

Летняя увеселения на даче вскружили голову любезному старичку гр. Строганову и ему захотелось поставить у себя в комнатах маленькой театр, на котором первыми действующими лицами были разумеется жена и я [...]. Из всех зрелищ которыми в течении зимы его забавляли примечательнейшим была опера *Нина*, мы ее сыграли в день его именин 23 ноября. Надобно сказать сперва, что во всем французском оперном театре, нет произведения подобного *Нине*. Кто этой оперы не знает? Кто не восхищался ею от самого Парижа до наших ледяных рек? Кто не певал из нее чего нибудь? Имя сочинителя ее мне неизвестно. Музыка сложил Далеирак⁴⁹ и по ней будет бессмертен в музыкальной своей собратии. Роль Нины есть интереснейшая на театре - она от любви сошла с ума, и любовь же приходит в разум. [...] Нашли жену мою способной играть Нину. Она взяла ролю, выучила, выработала, и в течении двух недель явилась в ней перед публикой довольно многолюдной, а наипаче отборной. Все бояра, иностранные дипломаты были на этом спектакле.

Евгения не без робости выступила в такой прославленной роли; но когда она пропела известной романс: "Quand le bien aimé reviendra" победа была на ея стороне. Все ей рукоплескали, восторг был общий. Крики "bravo" летели из всех углов театра и единогласно все признали, что никто в России не мог бы так очаровательно блеснуть в этой роли как жена моя. [...] Я играл отца, любовника представлял Муравьев; он имел голос прелестнейший, и тенор его увлекал душу. Виолие играл управителя самым натуральным образом; подругу ея представляла молодая Villeauclair⁵⁰ со всею нежностью свойственной ей самой и ея роли. Оркестром правил Барт(нянский), хоры были из придворных певчих. Весь спектакль произвел действие прекраснейшее, и с тех пор вошло в привычку во всех обществах называть жену мою la princesse Dolgo(roukoff) Nina. [...] Почти в одно и тоже время, играли ее еще две благородныя особы. Княгиня Долгор(укова) красавица, Князь(зя) Василья) Васильевича) жена⁵¹ и в Гатчине Г-жа Нелид(ова). [...] Я ни той ни другой в игре не видал, но слышал от знатоков и охотников, что ни одна из них не могла ровняться с моею женою. [...] Княгиня Долгор(укова) старалась выказать свои прелести, и соображая с ними каждой шаг, была не Нина безумная, а красавица придворная на театре. Нелид(ова) рассудила представить безумную в бешенстве; ее надобно было держать, останавливать, и она похожа была на сумазбродную запертую в номере. [...]

Окончив настоящий год театральным торжеством, я сохранил в рукописи моей все его подробности, дабы и в отдаленных годах жизни моей вспоминать о нем с удовольствием. Многия осудят может быть меня за то, что я такими пустотами наполняю мою историю, и что я ни слова не сказав о войне, политике, дворских интригах, целыми листами говорю о театре. [...] Я пишу не для того чтобы попасть сперва под гнет печатного станка, потом одется в нарядной или худой переплет, и згнить в каком нибудь бронзовом шкапе. Описание жизни моей имеет три цели: 1-е Показать детям моим что со мною случилось, дабы они подражали хорошим моим поступкам и убегали дурных. 2-е Заниматься с пользой для них, с удовольствием для себя и тем *miscere utile dulci*. 3-е Приготовить себе под старость отраду жить еще воспоминанием молодости моей.

Примечания

¹ По поводу истории опубликования *Повести* (Санкт-Петербург 1916), см. предисловие к указанному изданию под ред. А. Полякова. В нашем *Приложении* приводятся наиболее характерные отрывки из *Повести*, точно воспроизводящие текст подлинника, включая явные противоречия орфографии, как например: Бартнянский / Бортнянский, -ться / -тся. Единственные внесенные нами изменения: устранение “ъ” в конце слов, замена “ъ” на “е”, замена “і” на “и”, и замена “е” на “э” в местоимении “это” и его производных формах.

² Отец автора, князь Михайла Иванович (1731-1794), женился вторым браком в 1757 году на Анне Николаевне Строгановой, дочери барона Николая Григорьевича и матери автора.

³ Долгорукий-Крымский, Василий Михайлович (1722-1782), главнокомандующий армией в Москве; участвовал в осаде Очакова (1737), во взятии Хотина (1738), герой первой русско-турецкой войны.

⁴ Автор ошибочно цитирует из трагедии Сумарокова *Синав и Трувор* (действие II, явление I): “И землю осудив сию на жертву хладу...”. Выражаю благодарность Марии Ди Сальво за полезное указание, на какое именно произведение Сумарокова ссылается Долгоруков.

⁵ Голицын А. М. (1718-1783).

⁶ В *Капище моего сердца, или словарь всех тех лиц, с коими я был в разных отношениях в течении моей жизни* (Москва, приложение к “Русскому Архиву” 1890, с. 220-221) автор рассказывает о Прасковье

Ивановне Мятлевой, дочери Н. И. Салтыкова и, возможно, жене упомянутого капитана. Она тоже играла вместе с автором в *Севильском цирюльнике*, но не в том спектакле, о котором говорится на стр. 69, а в том, который был поставлен в театре князя Павла Михайловича (?) Волконского, где они исполняли соответственно роли Бартоло и Розины. А вот что писал Ла Феррьер по поводу театра Волконского в письме С. Р. Воронцову от 1. 2. 1795: “Я был на спектакле у князя Волконского [...] Там имеется, как и у графа Шереметева, балетмейстер, танцующий со своей женой, оба итальянцы, которым князь, старый ипохондрик, имсющий больше долгов, чем состояния, желает соперничать с графом Шереметевым” (цитата взята из Ливанова 1953: 278).

⁷ Елизавета Петровна Шербатова. В *Капище*, в разделе “Шербатовы”, автор рассказывает о своей любви к этой тридцатилетней княгине, которая была на десять лет старше его, и о том, как она пыталась заставить его задуматься о неуместности этого чувства.

⁸ Николай Иванович Салтыков (Солтыков), влиятельнейший вельможа при дворе Екатерины II и затем Александра I, был также командиром Семеновского полка, в котором автор прослужил три года адъютантом.

⁹ Настасья Андреевна Бороздина, жена генерала, одного из членов Военного Министрства, имела трех сыновей, двое из которых служили в чине унтер-офицеров в том же полку, что и Долгоруков.

¹⁰ Вероятно, имеется в виду *Севильский цирюльник* Паизьелло по либретто Дж. Пестрозеллини, написанному по мотивам шедевра Бомарше.

¹¹ Хандошкин, Иван А. (1717-1804), вольноотпущенный из крепостных, возможно ученик Лулли и Тартини, известный скрипач и виртуозный балаласчник и гитарист, а также композитор; некоторое время был в услужении у Потемкина.

¹² Александр Николаевич Строганов, дядя Долгорукова по материнской линии.

¹³ Мусин-Пушкин, Валентин Платонович; автор был в близких отношениях с семьей графа — в частности, ему было поручено подготовить спектакль к именинам графини и Долгоруков собственноручно написал комедию (см. *Капище*, с. 286-287).

¹⁴ 6 января праздновался один из великих двенадесятих праздников, объединявший Богоявление, Крещение Христа и откровение его божественности, проявление Троицы (трисединой сущности). В этот день высшее духовенство столицы и самодержец спускались к реке по Иорданской лестнице. Вокруг проруби во льду устраивался шатер для торжественной церемонии водосвятия, за которой следовал внушительный военный парад. В народном языке словом Иордань зачастую называют сам праздник Богоявления.

¹⁵ Екатерина Петровна Гольштейн-Бек, дочь генерал-губернатора Ливонии и Эстонии, была замужем за князем Иваном Сергеевичем Барятинским, русским послом в Париже.

¹⁶ Jean Aufresne (псевдоним Жана Риваля, Женева 1728-Петербург 1804). Выступал с триумфом в Париже, Вольтер высоко ценил этого актера за естественность игры. Удаленный из столицы в связи с завистническими интригами в “Комеди Франсез”, Офрен с успехом давал спектакли в Вене, Неаполе и других столичных городах. И. А. Дмитриевский, направленный Екатериной II в Париж для ангажирования талантливых актеров для придворных театров, по достоинству оценил дарование артиста и пригласил его в Петербург (1785).

¹⁷ Григорий Павлович Ржевский, двоюродный брат-одногодок Долгорукова, его товарищ по службе в гвардии и по любовным приключениям.

¹⁸ Бригадир, принадлежавший ко второй ветви рода Долгорукова.

¹⁹ Бывшая воспитанница Смольного, жила в доме у Барятинских; играла во многих спектаклях, устроенных в этом доме с участием автора. Долгоруков влюбился в девушку, но почти из шутки, так что впоследствии он даже не помнил ее имени (см. *Капище*, с. 124).

²⁰ Григорий Иванович Чернышев (Чернышов), граф, камергер двора. Прослышав о театральном таланте Долгорукова, задумал ввести его в “Малый двор” и добивался, чтобы Павел заметил его и отнесся к нему доброжелательно.

²¹ Анна Юлиана Бенкендорф, урожденная Шиллинг фон Капштадт, подруга детства Марии Федоровны. Брат ее мужа Ермолай Иванович был комендантом дворца в Гатчине, резиденции “Малого двора” (насчет этого спектакля см. мою статью).

²² Автор имеет в виду анекдот, который приведен как в настоящем тексте (с. 78-79), так и в *Капище*; спектакль должен был стать сюрпризом для супруга Марии Федоровны и она велела автору приходить только на репетиции и строго-настрого запретила ему показываться на людях, потому что Павел, заметив в доме новое лицо, мог догадаться о приготовлениях. Долгорукову была отведена комната в доме у Е. И. Бенкендорфа и его необъятной жены, обожавшей готовить картошку с маслом. Позднее Долгоруков напишет в *Капище*: “До сих пор помню еще ту комнату, [...] тот картофель, которым кормился, и ту, в три сажени длины, ужасную немку, которая меня оным потчевала”.

²³ В труппе была занята и бывшая воспитанница Смольного Евгения Сергеевна Смирнова, ставшая впоследствии женой Долгорукова. Сообщая нам первые сведения о девушке, автор не упускает возможность вскользь окинуть взглядом театральную жизнь знаменитого воспитательного заведения: “В Смольном Монастыре иногда бывали театры: благородные воспи-

танницы между собою разыгрывали нравственные пиесы. Роли мужчин играли они же, ибо наш пол во внутренния комнаты их никогда не впускался. [...] *Государыня* жаловала это место и часто посещала их за просто, без всякой пышности. Однажды представлялась у них опера *La belle Arsène*, и Смирная играла в ней первую роль. Искусство ее понравилось *Екатерине*. Она заметила ее и пожаловать ей изволила на приданое 2000 руб., которая хранились в Ломбарде до ея замужества” (с. 82-83).

²⁴ Франсуа Эрман Ла Фермьер, по происхождению швейцарец, родился в 1737 г. в Страсбурге, около 1765 года стал преподавать французскую литературу престолонаследному царевичу Павлу. Долгоруков неизменно отзывается о нем с большим уважением и симпатией (см. *Капище*, с. 175-176). Помимо *Le Faucon* он написал для театров в Павловске и на Каменном острове также *Don Carlos* (иначе: *Le fils-rival / Сын-соперник или Новая Стратоника*). Долгоруков играл в обеих пьесах; в первой он исполнял роль доктора, а во второй роль отца. Костюм, в котором Долгоруков выступал во втором спектакле, был унизан бриллиантами, принадлежавшими великому князю Павлу. Оба спектакля отличались пышностью постановки. *Le Faucon* — это “opéra comique”, в которой перемежаются диалоги и пение под аккомпанемент; а *Le fils-rival* — произведение с более сложной структурой (см. Б. В. Асафьев, “Об исследовании русской музыки XVIII века и двух операх Бортынского”, в сб. *Музыка и музыкальный быт старой России*, Л. 1927). Диалоги до нас не дошли. Ла Фермьер, библиотекарь Марии Федоровны, позднее попавший к Павлу в немилость, переехал во Владимирскую губернию, чтобы заняться театром графа А. Р. Воронцова (см. Ф. Э. Ла Фермьер, “Письма к А. Р. и С. Р. Воронцовым”, Архив князя Воронцова, кн. 29, М. 1883); там он и умер (согласно Р.-А. Моозеру 1954, с.142, он умер в Петербурге в 1793 г.). Следовал в основном традиции французского театра, в частности “opéra comique” эпохи Гретри.

²⁵ Бортиянский, Дмитрий Степанович (Глухов, Украина, 1751— Петербург 1825). Учился у Галуппи в Петербурге и Венеции. По возвращении на родину был назначен придворным капельмейстером. Автор семи произведений для театра, духовных вокалов, сочинений для фортепиано, симфонии (см. Ливанова 1953). Долгоруков отзывается о нем, как о доброжелательном и приятном человеке, выучившем автора азам пения. Основываясь лишь на природном таланте Долгорукова (который никогда не занимался музыкой), Бортиянский сумел научить его петь без труда оперные партии (см. *Капище*, с. 24-25).

²⁶ Смирная (Смирнова), Евгения Сергеевна (1770-1804), будущая жена Долгорукова. Принадлежала к чрезвычайно обедневшей (всего 17 душ) дворянской помещицкой семье из Тверской губернии. Ее мать, по случаю приезда Екатерины II в эти края, обратилась лично к графине Румянцевой с

просьбой позаботиться о дочери Евгении, которой тогда было четыре года. Девочка понравилась графине и императрице; последняя взяла ее под свое покровительство и поручила заботам великой княгини Натальи Алексеевны, первой жены Павла. После смерти великой княгини девочка воспитывалась в Смольном.

²⁷ Вероятно, речь идет о комедии Дестуша (1680-1754), написанной в 1727 г. и основанной на перипетиях брака самого автора.

²⁸ Стрекалов, Степан Федорович (1728-1805), статс-секретарь Екатерины II, руководил придворным театром с 1786 по 1789 год.

²⁹ Сумма значительная, особенно если учесть, что такой знаменитый актер, как И. А. Дмитриевский (1734-1821) получал 860 рублей в год. (подлинная фамилия этого режиссера и литератора, входившего в самый избранный круг деятелей культуры, была Дьяков-Нарыков. Псевдоним был ему дан императрицей Елизаветой за схожесть с носившим ту же фамилию польским князем, кавалером посольства в Петербурге). Гораздо щедрее было содержание иностранцев, плата которым могла доходить до двух тысяч рублей, не считая расходов на переезд. В конце XVIII века одна знаменитая французская актриса получила за один только год 6900 рублей жалованья.

³⁰ В день исполнения комедии *Le Philosophe marié* Долгоруков получил из Москвы письмо, в котором отец благословлял его женитьбу на Евгении Сергеевне Смирновой. Автор даст нам подробное "Описание свадебного церемониала", но мы приводим лишь те места, которые свидетельствуют о театрализации при дворе даже церемоний частного характера; мы выделили также и те места, из которых видно особое пристрастие к событиям, дающим повод для публичного увеселения.

³¹ Анна Николаевна Пушкина, жена графа Аполлоса Аполлосовича, урожденная княгиня Голицына. Граф Аполлос, царедворец, состоявший в добрых приятельских отношениях с Долгоруковым, разделял его любовь к театру. Был также естествоиспытателем, трагически погиб во время научной экспедиции в горы Кавказа.

³² Меньшикова, Екатерина Николаевна (1764-1832), жена тайного советника Сергея Александровича Меньшикова.

³³ Куракина, Наталья Ивановна (1768-1831), жена князя Алексея Борисовича, урожденная Головина. В период царствования Павла I князь был назначен министром внутренних дел, отличался строгостью и суровостью. Долгоруков пишет о нем (см. *Калище*, с. 167-169) пространно и отрицательно, подчеркивая высокомерие князя, но, правда, признает, что пользовался его милостью. Любопытен заключительный вывод: «об нем можно было сказать, что сказал один придворной своему принцу, на вопрос: "От чего его не любят?", "C'est que Vous faites tomber vos dons de si haut, qu'ils écrasent ceux à

qui Vous les accordez!"». Много места Долгоруков отводит и жене брата князя, княгине Наталье Петровне; автор отзывается о ней как о человеке, который оказал на него самое благотворное влияние.

³⁴ Долгоруков, Василий Васильевич (1752-1818), сын князя Долгорукова-Крымского.

³⁵ Еженедельный бал, устраиваемый в Английском клубе.

³⁶ Остерман, Федор Андреевич (1723-1804), генерал-майор, сенатор. Очень помог молодому Долгорукову сблизиться с петербургским обществом, был с ним щедр на советы и услуги; во время их первой встречи сказал Долгорукову: "Наши предки всегда ссорились, и междоусобия их у двора были причиной ссылок и ужаснейших бедствий для вашего и нашего рода; нам, потомкам, надлежит это забыть" (*Капище*, с. 250).

³⁷ Иван Иванович Бецкой, главный попечитель Смольного и всех воспитательных заведений России. Автор рисует его как человека "почтенного, доброго и уважительного" (см. *Капище*, с. 32-33); такое уважение вызвано, в частности, и тем, что по своей должности Бецкой был наставником будущей жены Долгорукова, Евгении Смирновой, а впоследствии и ее старшей сестры.

³⁸ Ла Фермьер.

³⁹ Путешествие в Крыму.

⁴⁰ Федор Федорович Вадковский, сын Федора Ивановича, подполковник Семеновского полка, непосредственный начальник Долгорукова. Камергер двора и фаворит наследника престола, Федор Федорович был близким приятелем Долгорукова и тоже увлекался театром. Автор вспоминает его с особенной теплотой (см. *Капище*, с. 45), потому что именно Федор Федорович помог устроить помолвку своего приятеля с его будущей женой Евгенией Смирновой.

⁴¹ Николай Алексеевич Голицын, князь, камергер двора, участник труппы "Малого двора". Долгоруков отмечает, что отношения между ними прекратились по окончании театральной жизни в резиденции наследника престола, а также в связи с тем, что Голицын, будучи уже женат и несмотря на предстоящий брак между Долгоруковым и Смирновой, преследовал последнюю настойчивыми ухаживаниями.

⁴² Виолис, Гаврила Петрович (Viollier, Henry François), миниатюрист, родился в Женеве в 1750 году, приехал в Россию в 1780 году.

⁴³ Нелидова, Екатерина Ивановна (1756-1839), старшая фрейлина императрицы Марии Федоровны; будучи любовницей императора, имела на него сильное влияние (см. *Капище*, с. 229-231).

⁴⁴ Наталья Семеновна Борщова-Говен; упоминается как спутница наследника престола и его супруги во время их путешествия в Европу.

⁴⁵ Начало второй русско-турецкой войны (1788-1792).

⁴⁶ Александр Сергеевич Строганов, двоюродный брат матери автора.

⁴⁷ На Выборгской стороне.

⁴⁸ Расположена по дороге в Петергоф, носила название *Красная Мыза*. Принадлежала князю А. Л. Нарышкину. Парк имения простирался на семь верст и был открыт для всех, при входе красовалась надпись: “Приглашаем всех городских жителей воспользоваться свежим воздухом и прогулкой по саду, для разсыпания мыслей и соблюдения здоровья”.

⁴⁹ Николая-Мари Далерак (или Д’алерак, 1753-1809), автор 61 комической оперы, считается преемником Гретри. Его наиболее значительное произведение *Nina ou la folle par amour* было впервые поставлено в парижском театре “Comédie Italienne” в 1786 году, т. е. за три года до одноименной оперы Паизьелло. Текст был написан знаменитым либреттистом Бенуа Жозефом Марсое де Виветьером (1750-1817), который сочетал в своих произведениях элементы веселья и сентиментальности (*Œuvres complètes*, Paris 1825).

⁵⁰ В ту пору семнадцатилетняя дочь мадам Де ла Виль о Клер, гувернантки несовершеннолетней дочери графа Строганова. Долгоруков вспоминает о мадам с благодарностью за то, что она воспитала его “по вкусу тогдашнего Петербурга” (*Капище*, с. 58) и тем самым позволила ему добиться успеха в высшем свете столицы.

⁵¹ Долгорукова, Екатерина Федоровна, урожденная Барятинская (1769-1849), невестка генерала В. М. Долгорукого-Крымского.